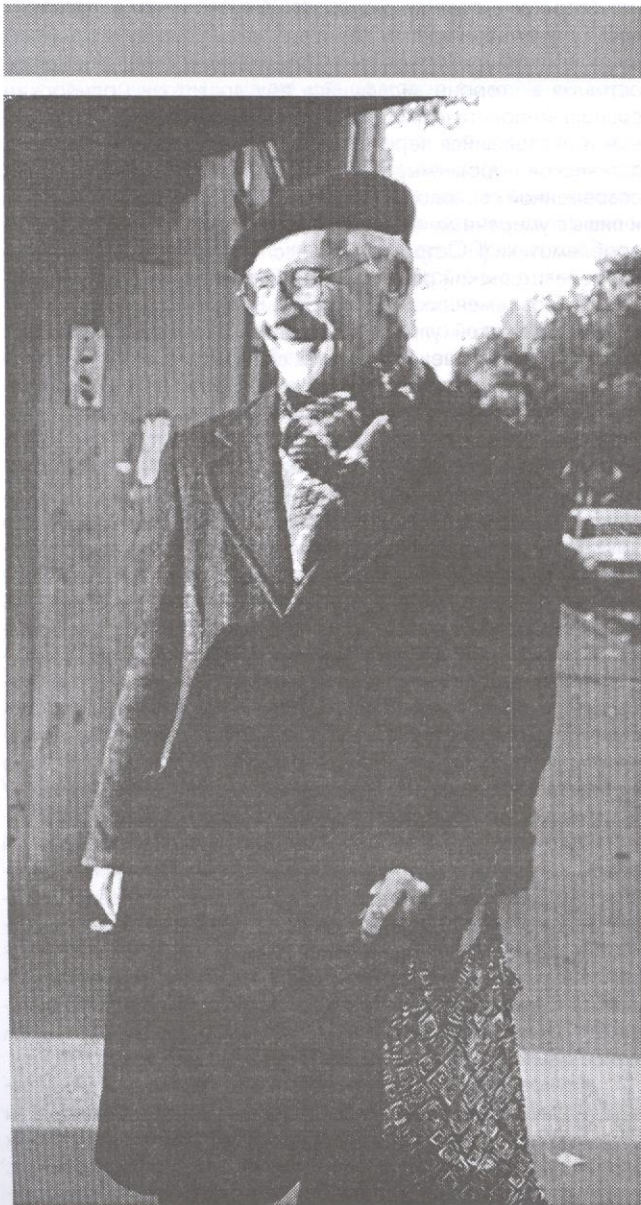

Память

Александр Николаевич Немилов

1923—2002

А.Н.Немилов

Восьмого февраля 2002 г. не стало Александра Николаевича Немилова. Ушел от нас не только один из старейших профессоров Санкт-Петербургского университета, признанный специалист по истории Возрождения и Гуманизма, выдающийся искусствовед с мировым именем — ушел блестящий педагог, вырастивший, воспитавший и взлелеявший не одно поколение учеников, ушел настоящий петербургский интеллигент, представитель старой, сегодня — увы! — стремительно тающей плеяды истинной духовной элиты России минувшего века.

Потеря тяжелая, и не только в научной сфере, хотя отсутствие Александра Николаевича, несомненно, будет сказываться на круге тех научных проблем, которыми он занимался вместе со своими коллегами и учениками. Потеря неизмеримо большая прежде всего для всех нас, кто трудится в стенах университета, которому Александр Николаевич отдал лучшие годы своей жизни: до последних своих дней ученый с заразительным оптимизмом и живым интересом смотрел на жизнь университета, волновался и сопереживал, даже уже будучи за пределами преподавательского штата.

Несомненно, духовный профиль ученого начал формироваться в его семье. Александр Николаевич родился сыном офицера императорской армии, в семье с давними петербургскими корнями. Семейная среда, казалось, самым непосредственным образом подталкивала будущего специалиста по истории Реформации и немецкого Гуманизма к теме научных интересов: в родословной Немиловых были не только представители русской старообрядческой среды, но и немецкие лютеранские предки. Удивительная гармония и высокая духовная культура характеризовали атмосферу молодых лет. Навсегда Александр Николаевич впитал большое уважение к религиозной культуре, к прошлому живых и ушедших, к самому человеку — как близкому ему, так и случайно встретившемуся на пути. Оттуда же, от семейных корней — качества, столь редкие сегодня: и удивительная куртуазность — в лучшем смысле этого слова! — куртуазность, столь очаровывавшая всех женщин, встречавшихся с ним, и горячее желание отстаивать попранный справедливость, при этом не опускаясь до уровня личных счетов, умение сохранять нужную высоту, ниже которой оставалась вся грязь, компромисс с которой был исключен раз и навсегда.

Потому совсем не случайно увлечение высокой, прекрасной возрожденческой культурой, обозначившееся уже в далекой юности. В начале 30-х гг. будущий ученый посещает эрмитажный кружок, а в 1940 г. становится студентом на кафедре истории средних веков, на факультете, лишь недавно воссозданном в рамках университета после того, как большевистское правительство разрешило преподавание гражданской истории. Начавшаяся спустя год война надолго прервала учебно-научную работу. Пройдя ускоренные курсы комсомола, студент А.Н.Немилов оказался на фронте. Здесь, в кровавом хаосе войны было все: и беззаветное подвижничество —

свое и подчиненных, и потери соратников по оружию, и крепкое рукопожатие знаменитого Г.К.Жукова, и боевая дружба, сохранившаяся на долгие годы. Капитаном артиллерии и командиром горно-артиллерийской батареи Александр Николаевич заканчивает свой боевой путь в Австрии летом 1945 г. Возвращение в университет, к любимым студиям и учителям, было для молодого офицера давно решенным делом. Через несколько лет был защищен диплом и принципиально определен диапазон будущих научных работ. Под руководством крупнейшего отечественного специалиста в области итальянской истории и Возрождения М.А.Гуковского Александр Николаевич смело вступил в лабиринт тем, на тот момент оставшихся либо вообще нетронутыми, либо лишь в начальной стадии разработанными российскими историками.

В центре внимания оказались, во-первых, творчество немецких живописцев времен Реформации, но в самой тесной связи с исторической плоскостью эпохи; во-вторых, социально-историческая проблематика, в которой главное место отводилось Возрождению и немецкому Гуманизму. Выигрышные стороны подобной дихотомии выглядели бесспорными. С одной стороны, представлялось возможным развить исследования своего учителя, оказавшись в русле самых актуальных проблем становившегося тогда советского ренессансоведения. С другой, молодой ученый обнаружил важный исследовательский коридор, обращенный к Германии, позволявший апробировать парадигму Возрождения, бывшую до той поры собственностью лишь знатоков итальянской истории и культуры, на почве немецкого позднего средневековья. Особо подчеркнем: история Германии со времен революции и Второй мировой войны всегда выступала аутсайдером в шкале научных интересов исследователей из Советской России. Долгое время существовали устойчивые стереотипы германской истории, являвшейся со времен Маркса и протестантских историков XIX в. своеобразным образцом «негативного» исторического пути, в отличие от складывавшихся национальных государств Западной Европы. Долгое время — а под впечатлением немецкой катастрофы 1945 г. и вдвойне акцентировано — полагали этот путь ошибочным и реакционным, приписывая, особенно в послевоенные годы, целому народу ложные исторические ориентиры, приведшие к нацизму и мифу Третьей империи. Как раз тогда в рамках московской исторической школы усилиями, главным образом, М.М.Смириня были предприняты крупные исследования, призванные закрыть очевидные лакуны в изучении немецкого позднего средневековья, подведя марксистскую социологическую платформу.

Петербургский историк мог воспользоваться уже указанным в столице путем, жестко упаковать интересующий его немецкий материал в социально-политическую оболочку марксистского метода. Но он остался верен и собственному подходу, и традициям старой петербургской школы. Историк связал проблематику итальянского Возрождения с немецкой культурой XIV—XVI вв., гуманистические традиции итальянского общества с гуманизмом и гуманистической культурой к северу от Альп. Практически первым в послереволюционной отечественной германистике А.Н.Немилов стал последовательно и целенаправленно исследовать общие и частные моменты великого культурно-исторического переворота в Германии, не упуская из виду итальянские параллели и общеевропейский контекст.

В этом ключе в 1959 году А.Н.Немиловым была защищена кандидатская диссертация на тему «Развитие гуманистической культуры в Нюрнберге (XV—начало XVI вв.)».

Следствием избранного пути стал и сложившийся социокультурный подход к источнику. Анализу внутреннего глубинного значения текста отдавалось предпочтение перед внешней социальной фактурой. Специфический источниковый пласт, изобильно насыщенный эпистолярным и нарративным, глгобо индивидуальным материалом, неизбежно заставлял историка заниматься интеллектуальным аспектом. Это хорошо заметно по ранним публикациям, в которых вырабатывался характерный исследовательский почерк: под прицел ставился прежде всего текст, угол зрения всегда был направлен от

источника к его социальной оболочке. В условиях, когда интеллектуальная история все ещё пребывала на задворках научных исследований, а зарубежные новации в этой области были почти недостижимы для изучения, подход, выработанный А.Н.Немиловым, несомненно выглядел новаторским.

Складывались и приоритеты в историографической сфере. Решающее воздействие на оценку историком немецкого позднего средневековья и Реформации оказал не столько социально-политический позитивизм, сложившийся на рубеже XIX—XX вв., сколько широкий культурно-исторический синтез, концептуально восходящий к К.Лампрехту, а в отношении Реформации — к Ф.Бецольду. И впоследствии, много лет спустя, настаивая своих учеников и молодых педагогов, Александр Николаевич обращал внимание на видевшиеся ему все ещё выигрышными стороны работ К. Лампрехта и Ф. Бецольда, католических умеренных авторов, в противовес национально ориентированным протестантским либералам времен Второй империи. Известная преемственность сохранялась и при взгляде на послевоенную немецкую науку. Работая с современной литературой, в том числе в многочисленных зарубежных командировках, общаясь с друзьями и коллегами, ученый старался обращать внимание на достижения широкого социокультурного направления и использовать их, оставляя в стороне видевшийся ему достаточно однобоким социально-политический структурализм. Отсюда — характерный и оказавшийся перспективным крен в сторону культурологической парадигмы, без прямого воздействия со стороны современной социологии (например, О.Бруннера и его школы) и лишь с умеренным использованием социально-политической проблематики (Г.Острих, Ф.Пресс, П.Морав). Уже на закате преподавательской работы, весьма прозорливо оглядывая панораму современных научных достижений, Александр Николаевич с лукавой улыбкой остерегал своих подопечных от чрезмерного увлечения модными социологическими постулатами. Для ученого отрицание базовых устоев науки, понимаемой в ее общегуманитарном контексте, было равнозначно покушению на многовековую культуру человечества. Однако это совершенно не означало «глгоухоты» к новациям — интересующимся ими настоятельно рекомендовались, например, А.Босль или Р.Шпрандель. Общность взглядов породила многолетнюю дружбу Александра Николаевича с профессором Гамбургского университета Райнером Вольфайлем. Как раз в годы формирования концепции петербургского ученого Р.Вольфайль опубликовал цикл работ по проблемам немецкой Реформации, Крестьянской войны и гуманистической культуры, в которых бесспорно доминировал социокультурный синтез и ментальный аспект. Концепция своего гамбургского коллеги неоднократно озвучивалась Александром Николаевичем на спецкурсах и кафедральных семинарах, книги его настоятельно рекомендовались для чтения аспирантам и дипломантам. У историка всегда был заметен и ясно выраженный организационный почерк, свойственный немецкой науке: обстоятельный разбор источника, исчерпывающий историографический анализ, желание максимально полно представить исследовательский аппарат. В те времена, когда прямые контакты с западными коллегами не вполне приветствовались, профессор Немилов выступил инициатором двух совместных научных мероприятий медиевистов Ленинградского и Гамбургского университетов, ставших удачным, но, к сожалению, не продолженным далее опытом.

Итоговые наблюдения историка отразились в его главном труде, изданном в 1979 г.: «Немецкие гуманисты XV в.». В нем автор во взаимосвязи коснулся четырех главных проблем: хронологии и типологизации Возрождения; соотношения применительно к Германии понятий и специфики гуманизма, гуманистической культуры и Ренессанса; христианского гуманизма как характерной черты гуманистического движения собственно в Германии и, наконец, начальной фазы генезиса немецкой гуманистической культуры. В совокупности ответы на эти вопросы позволили не только впервые в отечественной германистике в цельном виде представить картину раннего немецкого гуманизма, но и существенно откорректировать взгляды московских коллег. В центре вни-

мания автора оказались крупнейшие деятели немецкой социальной и духовной истории XV в.: Грегор фон Геймбург, Мартин Майр, Николай Кузанский, Родольф Агрикола, гуманистические кружки Аугсбурга, Нюрнберга и Вены. Блестяще анализируя тексты, историк отвергает, а точнее, преодолевает распространенное убеждение в консервативном и «реакционном» начале, присутствовавшем во взглядах многих гуманистов, прежде всего Николая Кузанского. Универсальная картина мира, желание широкого межсословного единства, борьба за укрепление основ монархической власти, столь ярко отметившие деятельность архиепископа Бриксенского, естественным образом проистекали из духовного климата эпохи и более того — из общественных реалий Священной империи, переживавшей острейшие кризисы при первых Габсбургах. Автор отказывается видеть в немецких гуманистах лишь экспонентов узко религиозной направленности, но различает в их воззрениях мощное религиозно-философское ядро, влиявшее на систему этических ценностей. Если итальянская гуманистическая культура налагала печать прежде всего на эстетику восприятия, то немецкая — в большей мере на общественную этику. Наконец, характерно направление авторского взгляда — от проблем общественной мысли к политике и социальным реалиям: очерк социально-политического состояния немецких земель накануне Реформации лишь заключает разговор об идейной борьбе рассматриваемой эпохи.

В последующих работах Александр Николаевич развивал и шлифовал свое понимание специфики северного Возрождения и Гуманизма. Культурные течения, формировавшиеся в заальпийских землях, в некоторых своих ипостасях опережали движение итальянской гуманистической культуры, а во многих — формировались совершенно разными историческими условиями и отливались в различные формы, отдавая Италии лишь функцию первичного толчка, «перводвигателя». Это мнение было убедительно доказано в ходе многолетней и кропотливой исследовательской работы.

Огромное место в научном творчестве Александра Николаевича занимала собственно искусствоведческая проблематика. Начав послевоенную трудовую деятельность с работы над немецкой экспозицией Эрмитажа, он навсегда связал свои интересы с изучением живописных шедевров Лукаса Кранаха Старшего, Грюневальда, Ганса Гольбайна Младшего, имена которых мы встречаем не только в многочисленных научных статьях, но и в посвященных им иллюстрированных монографиях и альбомах из серии «Мастера мирового искусства», подготовленных к изданию и великолепно отрецензированных А.Н.Немиловым. Крупным достижением отечественного искусствоведения явилась диссертация ученого, защищенная в 1974 г. и принесшая Александру Николаевичу — к тому времени кандидату исторических наук — степень доктора искусствоведения. Незавершенность из-за обрушившихся на него в последние годы тяжелой болезни вынашиваемой монографии о Гольбайне Александр Николаевич воспринимал как большую личную трагедию. При этом в центре его внимания постоянно оказывалась семейная традиция передачи мастерства, та великая эстафета подлинного искусства, о которой он столь горячо повествовал слушателям своих спецкурсов.

Вообще, научную деятельность профессора Немилова невозможно оторвать от педагогической — мало кого с меньшим основанием можно было бы назвать «кабинетным ученым».

Преподавательский дар — предмет, заслуживающий особого преклонения. Далеко не каждому, пусть даже и маститому ученому дано с блеском, с великолепным психологическим мастерством, преподавать сложнейшие сюжеты. Александр Николаевич не только обладал таким даром — он щедро обращал его к любой аудитории, будь то группы в высшей степени компетентных специалистов или труженики крупного промышленного предприятия. И не менее щедро делился секретами своего таланта. У многих слушавших его лекции до сих пор хранятся в памяти яркие сцены, когда Александр Николаевич, держа в напряжении многолюдную аудиторию, в волнении сжимая элегантною трость и отбросив в

сторону лекционные конспекты, излагал любимые сюжеты. Для ученого важнее было добиться ясной, профильной прорисовки главного предмета, который лишь затем погружался в водоворот проблемных наблюдений: ведь лишь слушатель, уяснивший элементарные обстоятельства и условия того или иного исторического объекта, может рассчитывать на успешное усвоение источников и проблемы на семинарах.

Наплыв студентов и аспирантов, желавших специализироваться у Александра Николаевича, был огромным. Темы дипломных и диссертационных исследований отражали синтетический подход: казалось бы, чистые в своей социально-политической или экономической направленности штудии, посвященные ганзейским городам или проектам имперских реформ и деятельности Максимилиана Великого, соседствовали с добротными работами по рыцарской идеологии штауфеновской эпохи, истории Церкви, историческим дисциплинам и, наконец, с искусствоведческими этюдами, где неизменно первое место уделялось немецкой школе живописи реформационной эпохи. Лучшей формой благодарности Учителю стала успешная научная деятельность многих выпускников кафедры истории средних веков, в свое время учившихся у выдающегося ученого и ставших историками и искусствоведами высокого класса. География выпусков огромна, она распространяется на крупнейшие научные и вузовские центры России.

И последнее, что хотелось бы сказать. Ученый никогда не стеснялся своей общественной ипостаси, всегда болел и за университет, в котором трудился почти полвека, и за страну, в которой ему суждено было прожить светлую и нелегкую жизнь. Будучи неисправимым оптимистом, привыкнув с солдатским мужеством сносить тяжелые удары судьбы, Александр Николаевич искренне желал перемен, тех перемен, которые бы позволили и стране, и отечественной науке занять достойное место в европейском сообществе. Он органично не переносил ни дешевый популизм, ни примитивный, серый и интеллектуально несостоятельный национализм. Все доброе, чем он обладал, все мудрое, что он приобрел, ученый отдал людям, пришедшим к нему за знанием.

Подобно Эрasmus из Роттердама, одному из своих любимых героев, навсегда остался он в нашей памяти с лукавой улыбкой на устах и бесконечно добрыми глазами, готовый выслушать, понять и помочь. Двери его дома были открыты для всех.

Заведующая кафедрой истории средних веков исторического факультета СПбГУ, доктор исторических наук, профессор Г.Е.Лебедева; доцент, кандидат исторических наук А.Ю.Прокопьев; кандидат исторических наук И.О.Ермаченко; доцент, кандидат исторических наук Ю.П.Малинин; член Геральдического совета при президенте России М.Ю.Медведев; кандидат исторических наук М.А.Морозов, старший лаборант М.И.Полова; доцент, кандидат исторических наук Л.П.Сергеева; доцент, кандидат исторических наук С.Е.Федоров; доктор исторических наук, профессор В.А.Якубский; старший преподаватель Л.В.Исакова; кандидат исторических наук М.Г.Логутова